

ее стала есть руками – я вообще люблю есть руками. И потом мой муж говорил, что я это делала с такой непринужденностью, абсолютно не стесняясь тем, что это шикарный ресторан, что это так естественно, что он почувствовал, что я королева и на мне надо жениться, представляете?

– Именно из-за этого? И правильно сделал.

– Было такое предание, что он влюбился в меня в тот момент, когда увидел, как я ем руками жареную картошку, совершенно не считаясь с условностями.

– Наверно, хороший был человек, знающий.

– Да. И я уехала. В Свердловске я хотела ~~выйти~~, но мне сказали, что нельзя, но поезд потом пойдет через Ирбит, это такой маленький городок.

– На Урале?

– Да, на Урале, но я вот соображаю, это уже Азия или еще нет. Где-то на границе Азии и Европы. Что там принимают. И первым делом, когда мы приехали в Ирбит, я побежала на телеграф и дала в эту Семихатку телеграмму, что я в Ирбите, и через – я приехала туда в конце сентября три недели я получила письмо от матери, что немцы приближаются, что уже составили обоз – эвакуация уже была на лошадях, поезда уже не ходили, – и они уже трогались, и вдоль обоза бежал почтальон и кричал, размахивая этой телеграммой.

– У него тоже было чувство долга?

– Да. И вот она на двигающейся телеге с двумя детьми... А про мужа я пока ничего не знала. Еще через какое-то время пришло от

80-88
3 side 2

него письмо из Ленинграда. Он бросил старую, больную женщину - ну не старую, как я сейчас, ей было пятьдесят шесть лет, но тем не менее, она была немолодой и больной человек, с двумя крошечными детьми - и бросился в Ленинград, предполагая, что я могу быть в Ленинграде, понимаете. И приехав туда, узнал, что меня там уже нет, а его из Ленинграда уже не выпустили, потому что он мужчина, а мужчин из Ленинграда не выпускали. Он во всем меня обвинял, хотя я не представляла, как мужчина может бросить своих детей, двух и трех лет, на старую женщину перед этой лавиной, которая катится - танки наступают. Бросить и уехать на поиски жены, которая все-таки взрослый человек. Совершенная нелепость, вообще из-за этого вся семья погибла.

- Это была трагическая ошибка.

- При чем, он меня в ней обвинял. Он считал, что я должна была остаться в Ленинграде и ждать. Но я-то не могла предположить, что он бросит детей. У нас с ним были разные реакции на жизнь.

- Очевидно, в ~~я~~ этом случае?

- И не только. Я могу рассказать вам комический эпизод, который случился у нас. Он однажды пришел довольно поздно вечером и сказал: "Ташенька, я купил сто грамм колбасы". Я ответила: "Хорошо". Открываю: а в бумаге край колбасы, и огромной веревкой завязан конец. То есть, это то, что надо обрезать и выбросить, а тогда не соблюдались правила, что надо срезать этот конец - давали так. Я говорю: "Вот сволочи, за веревку деньги берут". А он говорит: "Ташенька, какие мы с тобой разные". Когда я увидел, что мне продавщица отрезала, я сказал: "Вот замечательно - верё-

вочку бесплатно дали".

- Да, разница на лицо.

- Да, абсолютно. Так что я считала, что, оказавшись в экстремальных условиях, каждый должен быть на своем месте, понимаете? Если он с матерью и детьми, то он уже не должен думать и заботиться обо мне - я ведь взрослый человек вообще. Надо было спасать, тех, кто был с ним, он за них должен был отвечать. Вместо этого, он бросил их и поехал искать меня, а я-то думала, что он не вернется, а будет с детьми и матерью, и что если Ленинград будет заблокирован или взят, то мне надо уехать и где-то с ними встретиться. Так что, я и сейчас не виню себя, что я так поступила - я не должна была его ждать. Он не должен был так поступать. Но страдания, которые выпали на его долю в Блокированном Ленинграде, позволяли ему меня упрекать. Он умер двадцать второго декабря.

- Сорок первого года?

- Да, сорок первого. От голода.

- От голода в Ленинграде?

- Да, и в его свидетельстве о смерти еще написано "дистрофия", потому что позже было запрещено это писать. И давали фальшивые свидетельства, если вообще регистрировали эти смерти. Они писали так: "воспаление легких", "сердечная слабость", понимаете? Что угодно, только не голод, а у него это было написано. В декабре это еще писали. Что человек умер от голода.

- А он был вообще здоровый человек?

- Да, но он был всегда невероятно худой, как сейчас мой сын. Вы его не видели никогда? Кожа, кости и мышцы. Но ширинки там нет,

} to sci ?

Нет жирового покрова совсем - он такой же.

- А вы где находились в декабре сорок первого?

- Я была в этом Ирбите.

- И ожидали свежих новостей?

- Нет, я работала - жить-то надо было на что-то.

- А деньги-то уже вышли?

- А денег-то у меня и не было к этому времени. То есть, мне немного денег дали друзья, но они сами были бедные.

- А кем вы там работали?

- Тогда я работала кассиром в швейной мастерской, в пошивочной мастерской. И мне это было очень интересно, потому что я никогда не умела считать на счетах, а там я научилась. Правда, когда я каждый день подбивала кассу, я считала сперва столбиком, потом на счетах. Иногда я считала по семь раз, и у меня всегда получались разные результаты. Но потом я стала очень тщательно считать, и если три раза совпало, то я считала это уже достоверным результатом.

- Это трудно было?

- Да. Знаете, я не хочу рассказывать о том, что было в то время дальше.

- О том, что произошло во время войны?

- Нет, о том, что произошло в Ирбите. Вообще, мать погибла в дороге, детей я взяла - застала в больнице умирающих.

- Где?

- В Челябинске. Нашлись они совершенно случайно. Мать была где-то свалена в общую яму, и ее смерть даже не зарегистрирована в челябинском ЗАГСе - тогда просто валяли в яму. Дочка умерла.

many silences.
1) dead
2) those who will not
3) those who can not

Муж умер двадцать второго декабря. Я получила открытку из Ленинграда от соседа, вот от того соседа, которого когда-то посадили и с женой которого все перестали здороваться. Это был очень дотошный мужик русский - Арсений его звали. Сволочь порядочная, но с чувством такого традиционного долга. Он мне написал... Он был человек малокультурный, хоть и инженер. Он был образованный в первом поколении, никакой культуры у него не было. И он мне написал официальную открытку. "Наталия Викторовна" - котя мы с ним были на ты, и он звал меня Наташа, а я его Арсений, - "извещаю Вас" или "считаю своим долгом известить Вас, что ваш супруг такой-то скончался 22 декабря, а комнату вашу заняли, а вещи ваши сожгли! А вещи сожгли, потому что топить-то было нечем.

- Это все, что он написал?

- Да. Ну еще "выражаю вам свое соболезнование" - что-то в этом роде там было. Это абсолютно было официальное извещение. Дело в том, что с ним жил его брат, композитор, и после смерти мужа он и сжег его мебель, а свою мебель - а у него была дорогая мебель, а у нас плохая: с миру по сосенке, - так вот, свою мебель он не сжег, а нашу сжег. ^{Видно я didn't give a good goddam about this.} Но мне вообще-то было на это наплевать. Но брат-то не написал мне, котя и знал, где я, понимаете? И мой муж, можно сказать, умер на его руках. Потом он рассказывал: в доме был кусок хлеба, и когда мой муж захрипел, то его брат отрезал кусок хлеба и сунул ему в рот, думая, что, может быть, это ему поможет.

- А вышло наоборот?

- Нет, не наоборот - он просто умер.

- А откуда вы знали, что дети и мать в Челябинске?

- Я получила из эвакуопункта письмо. Я не хочу об этом говорить. Там есть подробности, которые я просто не хочу вспоминать - я их по ночам вспоминаю.

- Я понимаю. А что было потом?

- Потом я перешла работать в газету. При том, что я всё понимала, я, наверное, ничего не понимала. В этой самой артели - я работала в артели, это вроде кооператива - была мастерская пошивочная, там можно было заказать. Во-первых, когда я привезла детей, они сшили им пальто. Ну дочке пальтишко не пригодились, а Игорь носил свое долго. Они мне дали работу, вообще они сделали для меня очень многое, но я очень скоро узнала, что там черт знает что творится: там вооруж направо и налево, какое-то мошенничество. Я была до того возмущена, ведь я была воспитана матерью-коммунисткой, которая действительно была честным человеком, что я пошла в райком, к инструктору райкома или к секретарю рассказать о тех безобразиях, что там творятся. Это была чудовищная неблагодарность, но я тогда этого не понимала, идиотка такая. Я была воспитана на прекрасной возвышенной литературе, матерью, очень порядочным человеком и пламенной коммунисткой, и совершенно ничего не знала о жизни по существу. И я пошла в райком рассказать что там происходит. А через два дня, когда я пришла на работу, я узнала, что меня уволили, но что в газете есть место.

- Это они вам сказали об этом?

- Да, они. То есть, они позаботились о том, чтобы у меня была работа. Я думаю, что это райком позаботился. Они просто решили меня оттуда убрать, но они невероятно по-доброму отнеслись ко

мне, они же могли меня просто выгнать, и я бы подохла с голоду. Нет, они меня устроили. Я пошла в газету и меня тут же взяли корректором. Дали мне два газетных листа, и я хорошо это делала, потому что я всегда была грамотным человеком. Вообще, они увидели, что я гокусь для работы. Я у них стала иногда и писать тоже. Они мне начисляли немножко гоноррара.

- Какая это была газета? Местная?

- Это была районная газета.

- Не военная?

- Это такая полусибирская глушь. Ирбит вообще был знаменит тем на Урале, что там были ежегодные ярмарки, на которые съезжались купцы со всего мира, в частности, американские купцы. Там торговали скотом, золотом - вообще это было богатое место, но глухое место. И туда эвакуировался большой, огромный завод Ленинградский; привезли станки, и под открытым небом - еще не было цехов, в которых ставятся обычно станки - уже работали. Под открытым небом, в дикий колод, когда снег все засыпал, работали. Иногда строили какие-то навесы. А потом строили корпуса. Но эта стройка не была в ведении газеты - это был военный завод, газета о нем и не упоминала, это была глубокая тайна. А я, значит, пошла работать в газету. Там у меня были очень интересные отношения. Там некоторые редакторы меня очень ценили. Редактор этой газеты очень меня ценил. Когда я написала рецензию - там приехал какой-то театрик, и я написала рецензию, - так он поверить не хотел, что я раньше никогда рецензий не писала, он себе такого представить не мог. Но это тоже было очень низкий культурный уровень. И иногда

у нас споры были ужасные. Он питался в райкомовской столовой, и за какую-нибудь удачу он говорил: "Полезай на шкаф: там пирожок лежит". Не только мне, он со всеми так играл. И все неизбежно лезли - все же были голодные. И иногда там лежал пирожок, а иногда - нет. Это была такая шутка, но иногда он туда клал пирожок, если сам не съедал. А он был местный, так что, он не был голоден. У него было хозяйство, как у всех там. Я не знаю, была ли у него корова, но коза у него была, куры были, значит, яйца у них были, и курятина была, так что, он не так уж был заинтересован в этом райкомовском пирожке. А он только один ходил в эту райкомовскую столовую. "Полезай на шкаф: там пирожок лежит". Мы моментально подбегали и лезли на шкаф.

- Сколько же времени вы там работали?

- Я там работала недолго. Пошла я в райком, наверно, в декабре, потому что новый год я встречала уже в газете. Душа моя не угадала того, что творилось в ^{артеле} газете, и я быстро пошла открывать райкому глаза.

- Как настоящий советский человек.

- Вы не представляете, как мне за это стыдно.

- Конечно, вы не хорошо себя повели.

- Ужасно глупо. Дура была, возвышенная дура. Там была библиотека районная, и были даже неплохие книги. И как-то раз я пришла, а там был еще какой-то человек, и я спросила: "У вас есть стихи Пастернака?" Они на меня посмотрели, выпучив глаза. Они про него не слышали никогда. Я говорю: "А Мандельштама у вас нет?" И тут ко мне бросается этот человек - пришел посетитель какой-то - и го-

ворит: "Я хочу с вами познакомиться". С женщиной, которая знает
Пастернака и Мандельштама...

- Надо познакомиться.
- И мы потом с ним очень подружились и переписывались.

3 side 2

FROM 80

